

**СОКРОВИЩА ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЮВЕЛИРНОМУ ИСКУССТВУ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
(ОБСУЖДЕНИЕ ИТОГОВ И ПЕРСПЕКТИВ)**

К.А. Руденко

*Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
turziha@mail.ru*

В статье рассматриваются новые подходы к исследованию ювелирного дела тюркских народов Евразии. В первую очередь анализируются факты, приведенные в коллективной монографии по ювелирному делу тюркских народов Евразии, написанной крупнейшими специалистами в этой области из научных учреждений России. В данном фундаментальном труде представлены аналитические исследования ювелирных украшений тюркоязычных народов: татар Поволжья и Приуралья, якутов, а также бурят. Авторы систематизировали огромный материал, распределив его по группам и категориям, выделив виды и типы изделий. Основания для классификации стали как определения функциональности изделий, так и их формальные признаки. В статьях приводятся аргументированные сведения о происхождении тех или иных типов украшений, времени их возникновения и бытования. Особенно интересно обращение к мифологии народов, которые изготавливали такие изделия. Это позволило понять и представить особую роль ювелирных изделий в мировоззрении и их значение в мифологической картине Вселенной и мира. Отдельно рассматриваются технологические приемы изготовления ювелирных изделий тюркских народов Евразии, прослежены особенности их производства и художественные приемы нанесения декора. Очевидно, что процессы формирования художественных ремесел, как и формообразование изделий, имеют длительную историю, связанную с процессами этнокультурного взаимодействия.

Ключевые слова: ювелирные украшения, чернь, филигрань, тюркские народы, казанские татары, буряты, якуты, этнография, технология.

Для цитирования: Руденко К.А. Сокровища тюркской культуры: новые исследования по ювелирному искусству тюркских народов (обсуждение итогов и перспектив) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 1. С. 26–45. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.26-45

Публикации, посвященные ювелирному искусству в древние эпохи и до этнографического времени, нельзя назвать редкостью. Яркий, выразительный материал привлекает внимание как специалистов разных областей науки и искусства, так и любителей. Немало внимания уделяют ему музейные работники, свидетельством чему различные выставочные про-

екты, представленные крупнейшими музеями практически на всех континентах. Демонстрация шедевров художественного творчества неизменно восхищает посетителей самого разного уровня – от учащихся и до маститых ученых.

Неизменен интерес к этой теме и в Татарстане, где с успехом проходили выставки, связанные с ювелирными изделиями от эпохи Тюркских каганатов и до Золотой Орды [14, с.97–109], а также проекты, связанные с произведениями ювелирного искусства этнографического времени, например, выставка «Вдоль Волги и Каспия: наследие шелкового пути», открывшаяся в Казани (выставочный зал «Манеж» Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль»), 21 ноября 2018 г.¹ или раздел стационарной экспозиции Национального музея РТ «Золотая кладовая»².

В этом контексте новая книга известных специалистов в области ювелирного искусства «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии. Историко-этнографические очерки», вышедшая в 2018 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ [21], не только продолжает традицию, но, по сути, открывает совершенно новую ее страницу. Впервые региональные сюжеты были объединены в единую историко-культурную канву, стали частями единого целого художественного пространства, развивавшегося на протяжении тысячелетий. Причем это осмыслено не только с позиций историко-технологического или формально-стилистического подходов, но и культурологического, точнее историко-художественного и мировоззренческого, поскольку авторы стремились исследовать и те механизмы, которые стали основанием для создания именно в таком виде, и из конкретного материала, украшений и использования их в ансамбле костюма.

Особенно ценно то, что авторами использованы уникальные фондовые материалы из крупнейших музеев России, в числе которых Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей, Российский этнографический музей, Национальный музей РТ и др., которые авторы описывали и систематизировали по определенной методике, что само по себе представляет значительный интерес для исследователей [19, с.8–10].

Нашей задачей является рассмотрение методологии и методики данных исследований поскольку до сих пор подобного анализа ювелирных украшений тюркских народов Евразии не проводилось. Изучение ювелирных изделий древности или этнографического времени Евразии, как правило, сосредотачивалось на их систематизации, что характерно для большинства археологических работ, а в последнее время на особенностях технологий изготовления или декорирования или же на искусствоведческих моментах. Иногда встречаются публикации, где авторы обращаются

---

¹ URL: <http://museum.ru/N71525> (дата обращения: 7.01.2019).

² URL: <http://familion.ru/nacionalnyj-muzej-respubliki-tatarstan/> (дата обращения: 7.01.2019).

к ассоциациям, связанным с представлениями о тех или иных украшениях или материале, из которого они изготовлены в мифологии и фольклоре. Комплексный, системный подход к анализу ювелирного дела народов Евразии с учетом этнокультурной составляющей практически отсутствовал. Лишь в начале XXI в. такая попытка была осуществлена авторами вышеупомянутого исследования. Здесь ювелирные украшения изучались как совокупность элементов, выполняющих определенную функцию, взаимодействующих между собой, причем процесс этот рассмотрен в динамике во времени и пространстве. В результате этих штудий установлено каким образом отдельные элементы образуют цельное явление (систему), составляющую важную часть национальной культуры, какие механизмы обеспечивают и поддерживают ее целостность, какое место занимает сама эта система среди других в культурном пространстве тюрков.

Руководствуясь этим подходом, исследователи предложили методику изучения ювелирных изделий по нескольким направлениям. Как базовую среди них мы определили методику «культурного кода», где анализ идет с одной стороны по этностереотипам (психологическим и поведенческим, включая лингвистическую составляющую – функциональное использование изделий: первый этап анализа), по отношению к украшениям (автостереотипы), с другой – по культурным паттернам, которые накладывают отпечаток на морфологию предмета (второй этап анализа), а также на его «преломление» в поэтико-мифологических конструктах (третий этап анализа). Синтезом является выявление особенного культурного кода, связанного с этническими традициями того или иного народа.

Таким образом, в данном случае соединяются (синтезируются) два составляющих компонента: материальный (форма предмета и технология изготовления/декорирования) и духовный (роль и место предмета в ментальном пространстве этнокультуры, точнее – в системе знаков и символов данной культуры), очерчивая определенный круг закономерностей, касающихся появления, бытования и развития тех или иных видов и типов украшений и их функционального использования. Закономерности эти выявляются логическим путем (следуя законам логики) и подкрепляются хроно-исторической структуризацией элементов системы, поскольку они формировались на протяжении определенного промежутка времени и нередко на разных территориях. Промежуточным этапом в процессе синтеза выступают исследования разнокачественных связей в морфологии и технологии ювелирных украшений как внутри локальной этногруппы, так и между такими группами в процессе этнокультурных контактов, создававших своего рода переходные или гибридные формы объектов (модусы). Вслед за этим следует изучение процесса соединения структурно-функциональных и генетических представлений о конкретной вещи или группе предметов.

Эта методика в совокупности с традиционными исследовательскими процедурами (типологический, сравнительный, дескриптивный методы),

позволяет выявлять и обосновывать этнические особенности в типологических рядах украшений, связывать их с технологиями и даже составом металла, из которого эти артефакты изготовлены. Обязательным условием актуализации методики «культурного кода» является использование историко-археологических данных, что нередко вызывает определенные трудности. Таким образом, оригинальность вышеописанной методики состоит в привлечении обширного пласта материалов, прежде всего из области духовной культуры, которые ранее рассматривались лишь в контексте вещеведческих штудий.

Вышесказанное можно в полной мере отнести к исследованию Л.Р. Павлинской «Золото и серебро в мифопоэтических традициях тюрков и монголов», где данная методика вырисовывается наиболее выпукло. Автор раскрывает характерные для тюрко-монгольского мира культурные коды, связанные с материалом (металлом) и цветом; их трактовкой в мифологии, в контексте представлений о мироздании и Вселенной в целом. Автор отмечает связь между драгоценным металлом и концепцией Вселенной тюрко-монгольских народов с ее символами и метафорами, а также мифопоэтическими сюжетами и ассоциациями, раскрывающими их глубокий смысл в общей картине мира, которая строится на «солнечно-лунной/золотосеребряной ее природе» [21, с.22]. Л.Р. Павлинская утверждает, что первое упоминание о культе солнца и луны и связанные с ними обряды, зафиксированы в культуре хуннов (по китайским источникам) вероятно в III–II вв. до н.э. [21, с.23–24,27,28]. По ее мнению, прослеживается и связь солярной символики с искусством раннесредневекового Согда (V–VIII в. н.э.).

Авторские наблюдения дополняются анализом произведений искусства гунно-сарматской эпохи, в двух стилях которых также можно найти отражение космологических сюжетов [21, с.30–31]. Исследователь делает акцент на образе мирового дерева справедливо отмечая, что оно символизировало Вселенную и сакральный центр мироздания. В качестве примера приводится знаменитая диадема из Новочеркасского клада, а также ряд украшений подобного типа из захоронений первой половины I тыс. н.э. Центральной Азии и Дальнего Востока. Интересен логический переход в образных ассоциациях к образу козла, тесно связанного с мифологией Двуречья, который является неотъемлемой частью Мирового дерева [21, с.33].

Л.Р. Павлинская отмечает, что в хунно-сарматское время формируется орнаментально-полихромный стиль, как она считает, порожденный художественной культурой Древнего Востока, с ним же, по ее мнению, связано зарождение художественно-технологических приемов: пайки, зерни и скани [21, с.36]. Последнее отнюдь не бесспорно, поскольку эти технологии возникли гораздо раньше в очагах цивилизаций Древнего мира (Египет) и античности (Этрурия, Греция). К хуннскому времени относит Л.Р. Павлинская и распространение плакировки серебром и золотом (ее

появление она относит к раннескифскому времени) эволюционировавшим затем в таушировку и золочение. Вместе с тем широкое распространение серебра в ювелирном искусстве тюрков обусловлено в ряде случаев наличием сырьевой базы или импортом этого сырья, более дешевого по сравнению с золотом. В этой связи стоит обратить внимание на сюжет о золочении, поскольку этот технологический прием был широко распространен в этнографическое время в ювелирном деле тюркских мастеров.

Идея о символическом значении золочения в этом контексте очень интересна. Вопрос только во времени и источнике распространения этой технологии и соответствующего символического контекста. Так у волжских булгар в XI–XIII вв. она не получила распространения, но у казанских татар с XVIII в. не была редкостью. Такая же судьба и у таушировки, которая появилась у булгар во второй половине XI – первой половине XII вв. (железные детали конской упряжи) в результате контактов с населением Южной Сибири (аскизская культура) [9, с.83–86; 13, с.172–181]. Причем плакировка успешно применялась даже на болгарских репликах сибирских изделий [8]. Эти традиции, скорее всего, сформировались при непосредственном контакте населения Среднего Поволжья и средневековых хакас [7, с.228–250]. Отметим, что и таушировка, и золочение в ювелирном деле в предшествующее время у булгар практически полностью отсутствовали.

Следуя за другими исследовательскими линиями Л.Р. Павлинской, в частности о символическом значении золочения (как отражения сложных космогонических ассоциаций), можно предполагать, что архетипический код Мирового дерева утвердился и в культурном коде исламской культуры волжских булгар.

Какая роль символической роли металлов, Л.Р. Павлинская рассматривает изделия из бронзы и меди, а также железа. С ними у тюркских народов (впрочем, как и у угро-самодийских народов Сибири) связаны представления о среднем мире, мире предков [21, с.38]. Как считает автор, на начальных этапах культурной истории человечества оно занимало высшую ступень символической иерархии [21, с.39]. Стоит подчеркнуть, что у всех металлов, рассмотренных в статье, Л.Р. Павлинская отмечает двойственную семантику (в отношении золота, на примере женщины-златовласки, хозяйки воды в хакасском фольклоре, и, добавим, что и в аналогичном образе в татарских сказках). Важным представляется вывод автора, что ювелирные изделия через «рукотворность» несли в себе «идею сопричастности мира людей сакральной сущности бытия» [21, с.42]. Хронологические периоды (гуннский, тюркский и монгольский) и связанные с ними процессы развития ювелирного дела, выделенные исследовательницей, позволяют объяснить определенное единство техник и технологий, а также орнаментальных мотивов в ювелирном деле тюрко-монгольских народов XVIII–XIX вв.

Следующий исследовательский сюжет М.В. Москвиной «Женские украшения Саяно-Алтайских тюрков: истоки, символы, современные практики» строится на классификации и типологии артефактов, принятых в этнографических и археологических исследованиях, а также на изучении морфологических признаков женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая, что, по мнению автора, позволяет изучать и процессы этнокультурных взаимодействий с глубокой древности [21, с.43–44]. Автор дает масштабную картину развития культуры народов Саяно-Алтая с древности и до этнографического времени в целом, и в некоторых частных вопросах, например, в отношении украшений.

Истоки комплекса головных украшений М.В. Москвина видит в археологических культурах эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири и Хакаско-Минусинской котловины, идентифицируя их со сложившимися здесь к тому времени языковыми семьями (индоевропейской и тюркской), а также историко-культурными общностями, по сложившейся научной традиции с ними связанными: скифо-сармато-сакскими и сунну-дунхунскими [21, с.44–45]. Здесь было бы уместно остановиться более подробно на пазырыкской культуре Алтая. У автора имеется только ссылка на одну монографию Н.В. Полосьмак «Всадники Укока» [21, с.46, прим. 13], хотя исследований и публикаций материала здесь более чем предостаточно. Например, авторитетные публикации С.И. Руденко 1950–1960-х гг. по этой тематике [16; 1962]. М.В. Москвина использовала лишь труды этого ученого при обращении к хуннской эпохе и с привлечением материалов из ноинулинских курганов [21, с.46, прим. 18]. Позицию автора отчасти раскрывает ссылка на статью петербургского археолога К.В. Чугунова, поскольку в ней речь идет о смене культурных кодов в Саяно-Алтае в связи с подвижками населения, о чем также писали барнаульские археологи [20, с.25–43]. Это, безусловно, отразилось в культуре пазырыкской элиты [2].

Более осторожным нужно быть при употреблении терминов типа «военно-дружинной культуры» хуннских племен (тезис новосибирского археолога Ю.С. Худякова). В целом, говоря о хуннской культуре нужно заметить, что она не была единой в своей основе. Представление о ней как исключительно кочевнической ошибочно. Для хуннов не менее типичным был оседлый и даже городской образ жизни [5; 6, с.147–148]. Не возможно не заметить в ней присутствие сильного китайского влияния, что, безусловно, сказалось и на костюмном комплексе, включая украшения головы [18]. К тому же культура хуннов не идентична культурам гунно-сарматского типа Зауралья и Западной Сибири, как по времени, так и по многим базовым ее элементам.

В I тыс. н.э. на евразийских просторах сходство многих украшений и предметов вооружения определялось своего рода «модой», распространявшейся при миграциях и особенно активизировавшейся в период создания и функционирования кочевых тюркских империй. Внутри них, как указывал

петербургский археолог Д.Г. Савинов, на труды которого ссылается М.В. Москвина, сливались архаичные традиции – скифская и хуннская [21, с.47, прим. 23]. Рассматривая развитие тюркской культуры, автор, опираясь на исследования того же ученого, утверждает, что элементы кипчакской (половецкой) культуры, пришедшей с Востока, оказали воздействие не только на кочевников Восточной Европы, но и на русский костюм и украшения, отразившись по ее мнению, в некоторых конструкциях головных уборов и серег. Подобная оценка степени половецкого влияния на русских в таком контексте представляется нам преувеличением.

При характеристике общеимперской культуры монгольской империи стоит обратить внимание на хронологические особенности, особенно ее самостоятельных частей, таких, например, как Золотая Орда. Здесь не было тотального единства художественных традиций (как, впрочем, и в экономическом укладе) не только в оседлых районах, но и среди самих кочевников. Но при этом общность государственной территории и верховной власти, безусловно, определяла единство тенденций развития многих направлений материальной и художественной культур. Убедительны аргументы, приводимые М.В. Москвиной по вопросам заимствования элементов престижной русской и монгольских культур в XVII–XIX вв. народами Южной Сибири [21, с.50].

Подводя итог этому обзору, М.В. Москвина предлагает рассмотреть четыре хронологических «слоя», в которых формировались украшения разные по происхождению: докочевнический, раннекочевнический, позднекочевнический и слой Нового времени, в конце которого происходило формирование комплексов украшений современных тюркских народов [21, с.51]. Автор утверждает, что для народов Саяно-Алтая традиционна художественная обработка металла, причем изготовление женских украшений практиковалось и в рамках женского домашнего рукоделия [21, с.53].

К.М. Яковлева, продолжая исследование темы ювелирных изделий тюркских народов Евразии, обратила внимание на традиционные украшения народов Алтая и Южной Сибири, сделав акцент на классификацию и этнокультурный анализ. Она изучила несколько категорий артефактов, разделив их на группы, типы и подтипы. Последние выделяются по деталям: конструкциям и элементам декора. При описании типов автор приводит как аналогии, так и обращается к генезису данных украшений, опираясь на археологические материалы. Некоторые из рассматриваемых сюжетов являются дискуссионными, как, например, происхождение серег в виде знака вопроса [21, с.68]. Если их прототипы в средневековых украшениях вполне очевидны, то их связь с древностями раннего железного века – вопрос очень спорный. Также требует обсуждения и трактовка серег с низками бусин или бусиной [21, тип II; с. 68–69, рис. 6] как переходной формы в эволюции данных изделий. Отметим, что предтечи второго вари-

анта этого типа украшений можно увидеть в серьгах средневековой эпохи Предуралья с многобусинными металлическими подвесками.

Автор проводит интересные параллели в обычаи соединять серьги с подвеской типа «пушок» цепочкой между собой (тип III): они обнаруживаются в могильниках VIII–XI вв. Волго-Вятского междуречья, как и сама идея использования пуха водоплавающих птиц в качестве украшения. Кстати, этот факт, по мнению К.М. Яковлевой, свидетельствует об отдаленной связи таких украшений с магическими культами. Стоит подчеркнуть мысль автора о том, что традиционные украшения включали не только изделия местного производства, но и привозные, сделанные русскими или татарскими ювелирами. Автор подробно описывает височные и накосные украшения, указывая на роль раковин каури в их декоре, а также нательные и поясные украшения. Многие из них, например, крепившиеся к поясу кожаные кисеты имели и существенную семантическую нагрузку. Отдельно рассмотрены функции, знаки и символы украшений.

К.М. Яковлева указала, что, имея общие черты с украшениями большинства тюркских народов, украшения населения Алтая и Южной Сибири имеют определенную специфику, наиболее ярко выраженную у тувинцев, что было обусловлено их соседством с бурятами и монголами. Автор констатирует, что в настоящее время значительное число традиционных украшений не используется, хотя сами по себе они не вышли из моды.

А.И. Саввинов исследует ювелирные украшения якутов в связи с национальным костюмом. Опираясь на данные письменных источников, он отмечает изменения в костюме якутов в конце XIX – начале XX вв., которые, тем не менее, сохранили многие черты архаичной традиции. Автор помимо традиционной классификации украшений (головные, шейно-нагрудные и т.д.), систематизирует их и по другим основаниям – съёмные и нашивные, кроме того делит их на повседневные и парадные [21, с.94–95]. Опираясь на форму и художественное оформление, А.И. Саввинов разработал оригинальную типологию якутских украшений с учетом их особенностей. Остановимся на этом подробнее.

Исследователь отмечает, что у якутов в отличие от других тюркских народов не использовались в качестве украшения монеты и раковины. Подробно останавливается ученый на отдельных типах изделий, отмечает их характерные черты, способы ношения, местные названия, а также анализирует, по мере возможности, их генезис и близкие аналогии. В частности, им выделены средневековые корни «серьги в виде знака вопроса» или сходство некоторых накосных якутских украшений с татарскими [21, с.103].

Интересны якутские гривны – весьма архаичный элемент женского костюма, широко распространенный в эпоху средневековья у разных народов (такие как дрововые, серповидные гривны). Почему именно у якутов они сохранились в оригинальном функциональном формате не очень понятно, поскольку практически у всех народов они достаточно давно

вышли из употребления. У якутов дрововые гривны бытуют с XVII–XVIII вв. Пластинчатые гривны зафиксированы с XIX в. [21, с.106–107]. В комплекте с гривнами использовалось украшение *илин кэбисэр* (оно крепилось как подвеска), также имевшее давнюю историю – их прототипы были найдены в якутских захоронениях XVII–XVIII вв.. Своего рода дополнением к гривне и в ряде случаев заменителем *илин кэбисэр* был *сюрэх* – художественный крест на цепочке, носившийся поверх одежды (что не исключало и крестов-тельников). *Сюрэх* был следствием христианизации якутов с середины XIX в. Оригинальным является и шейный браслет, составлявший комплект с пластинчатыми браслетами.

Ценны описания малораспространенных и вышедших из употребления якутских украшений – таких как броши-фибулы и *уолжсимэгэ* (разновидность воротниковой застежки вместе с нагрудником из сукна). Автором подробно рассматриваются пояса (как мужские, так и женские). Женские пояса имели богатое убранство, в частности серебряные накладки с разнообразным декором, а также подвески. Мужской пояс имел статусный характер и являлся символом знатности [21, с.114]. Набор предметов, крепившихся мужчинами к поясу, был типичен для охотников; женский же набор можно назвать универсальным – он в той или иной степени комплектности встречается не только у народов Сибири, но и Средней Азии, Казахстана. Любопытны женские натазники – архаичный элемент костюма, аналогии которым встречаются не только в Сибири, но и в Поволжье, например, у мордвы, хотя там они имеют другой вид.

Украшения рук не сильно вариабельны: широкие пластинчатые браслеты среднеазиатских типов, простенькие колечки или перстни-печатки. Зато разнообразны нашивные украшения на головной убор, на верхнюю одежду и обувь, и особенно подвески на одежду. Истоки их уходят в XVII в. [21, с.125–126]. Малораспространенными были металлические пуговицы. Стоит отметить и весьма ценное наблюдение по распространению у якутов стеклянных бусин и бисера с середины-второй половины XVIII в., а украшений из цветного металла с XIX в. [21, с.128].

Особенное внимание А.И. Саввинов уделил анализу материалов, техники и технологии изготовления украшений. Отмечая преобладание низкопробного серебра, как основного сырьевого источника ювелирного дела, он указывает на наличие изделий их сплава цветных металлов. Для получения изделий применяли литье, расковку, выколотку, чеканку и штамповку, которые были необходимы для выделки поделок определенной категории. При нанесении декора использовалось золочение, гравировка, чернение. Причем последнее использовалось при украшении изделий из серебра высокого качества. Удивительно, но якутские ювелиры использовали и достаточно сложную технику эмали, особенно для украшения серег и женских крестов. И это в условиях полукочевого быта и при слабом техническом оснащении!

Разнообразны на якутских украшениях орнаментальные мотивы, знаки и символы. Здесь как пишет А.И. Саввинов, можно различить как отголоски архаичных представлений, так и относительно недавние заимствования. Популярностью пользовался геометрический орнамент в разных вариантах, как и растительный орнамент. Последний, вероятно, связан с восточным искусством, хотя, ограничивать круг заимствованием только этим регионом будет не совсем правильно, что видно и по приводимым автором данным.

Сакральный смысл орнамента, как утверждает ученый, дополнялся магией металла. Эта тенденция проявлялась уже в украшениях, которые носили дети и подростки. Охранительным символом на таких украшениях выступало изображение льва, а также лука со стрелой. Помимо этого защитную функцию выполняли шумящие украшения и ряд других [21, с.140]. Многие из них имеют аналогичное использование у других тюрко- и финноязычных народов Евразии, в том числе Среднего Поволжья. А.И. Саввинов подчеркивает, что традиционные якутские ювелирные украшения стали основой для современных изделий ювелиров Республики Саха и изучение опыта предшественников является важной составляющей многих уникальных авторских проектов.

Исследование С.В. Сусловой посвящено женским ювелирным украшениям волго-уральских татар. Материал представлен автором по группам: головные, височно-нагрудные, шейно-нагрудные и другие украшения. С.В. Сулова стремилась помимо описания данных артефактов дать историко-культурный анализ, выявить их генезис. Последний момент особенно важен, поскольку касается не только украшений волго-уральских татар в целом, и казанских в частности, но и охватывает значительный круг изделий соседних народов. Важны и обстоятельные ссылки на археологические материалы, как и обращение к письменным источникам XVIII в., позволяющие понять базисные основания формообразования данных украшений. Это четко проявляется, например, в налобных повязках, некоторых типах наушных украшений.

Безусловно, есть и проблемные вопросы, связанные с недостатком источников, например, по Казанскому ханству. Обращение к древностям этого периода, как и ссылки на археологические реконструкции более раннего времени по материалам Прикамья, требуют определенной корректировки, в частности атрибуции украшений [3], которые могут быть как нагрудными, так и накосными: в силу отсутствия антропологического материала это на сегодняшний день недоказуемо. В целом, обращение к болгарским истокам украшений казанских татар пока еще вызывает немало вопросов, поскольку реконструкции ансамбля украшений этой эпохи строится на отрывочных данных, единичных артефактах, найденных на поселениях, а не в составе погребальных комплексов [10, с.191–194; 11, с.391–394; 13, с.172–181]. Украшения раннеболгарского времени (VIII–IX вв.) которые мы знаем по раскопкам Большетарханского, Тетюшского и Танкеевского могильников,

своеобразны и чаще всего не имеют продолжения в болгарском костюме XI–XIII вв., как и прямые аналогии прикамского средневекового костюма с этнографическими материалами. Несмотря на эти уточнения, аналогии, предложенные С.В. Сусловой для реконструкции истории наконных украшений казанских татар [21, с.153] убедительны, как и указание на их разные истоки в этнокультурном отношении.

Серьги – наиболее выразительные украшения волго-уральских татар. Те из них, которые имеют форму знака вопроса – универсальны и распространяются особенно широко с XIV в. в степной полосе Восточной Европы, а их последующие варианты бытуют вплоть до конца XIX в. у народов Поволжья, Урала и Сибири вне зависимости от этнической принадлежности. Сказалась, видимо, простота формы, что позволяет видеть их прототипы чуть ли не в античности. Вместе с тем у волжских болгар в домонгольский период они отсутствуют. Простота изготовления отличала монетные серьги, бытовавшие в XIX – начале XX в., как и кольцевые серьги.

С.В. Сулова отметила преобладание в музейных собраниях серег миндалевидной формы, отнеся их к специфическим украшениям казанских татар. По ее мнению, они сложились на основе местных традиций [21, с.161]. Вместе с тем автор отмечает и их сходство с узбекскими серьгами XVIII–XIX вв. [21, с.162]. В целом, можно согласиться с мнением ученого, что многие заимствованные типы серег воспринимались в начале XX в. как национальные.

Височно-нагрудные украшения достаточно редки у волго-уральских татар и представлены всего одним типом, истоки которого автор находит в древностях конца I тыс. н.э. Поволжья и Приуралья [21, с.165]. Широко распространенными были шейно-нагрудные украшения на матерчатой основе, различные типы которых связаны с различными этнографическими группами татар. Детально рассмотрены оригинальные воротниковые застежки яка чылбыры [21, с.167–168], причем, по мнению С.В. Сусловой, застежки типа II можно рассматривать как национальное украшение. Что касается генезиса данного украшения, то здесь в первую очередь рассматривается версия об их происхождении от шейной гривны, история которой в Волго-Камье уходит в эпоху раннего железа. Однако представляется, что связь здесь не столь очевидна. Особенно это относится к болгарским плетеным проволочным гривнам, которые имели свой генезис, а некоторые из них были связаны с иными культурными традициями. Кроме того, к XIV в. они не изготавливались и вышли из употребления [15, с.205–219]. В целом, как и отмечает автор статьи, вопрос о генезисе этого украшения далек от окончательного решения [21, с.170].

С.В. Сусловой детально разработана типология нагрудников и перевязей, которые соотносятся с конкретной территорией их бытования среди волго-уральских татар, а также рассмотрены вопросы их генезиса [21, с.173–177]. Очень интересен раздел, связанный с ожерельями из монет, металлических блях, а также бусин из кораллов, самоцветов и янтаря. Од-

нако поиск аналогий в болгарских древностях (могильники VIII–X вв., Спасский клад начала XIII в. [21, с.179]) не совсем корректен. Здесь уместнее рассматривать комплекс мусульманских украшений Ближнего Востока, поскольку именно оттуда они и пришли в волжско-болгарскую культуру, а в самой Волжской Булгарии в XI – начале XIII в. – это скорее исключение, чем правило. Что касается бусинных ожерелий, то в Волжской Булгарии предпочтение отдавали поделочным камням, а также янтарю (стеклянные бусы болгары в то время не делали), а вот в ордынское время популярны были смешанные ожерелья, где немалое место занимали полихромные стеклянные бусы местного производства.

Разнообразны украшения рук: браслеты, перстни, кольца. С.В. Сулова выделяет несколько типов браслетов по характеру основы изделия: пластинчатые, ажурные и т.д. В поисках истоков пластинчатых браслетов она указывает на болгарские и ордынские изделия, предполагая, вслед за Н.Ф. Калининым, их продолжение в древностях Казанского ханства [21, с.185]. Действительно металлические пластинчатые браслеты с изображениями зооморфных масок (т.н. «львиноголовые») в единичных экземплярах пережиточно или в стилизованных копиях бытовали до начала XX в., но как охранительный женский амулет. Это связано с ближневосточной и среднеазиатской мусульманской традицией. Но вряд ли их можно считать предтечами этнографических татарских браслетов. Кроме того, как совершенно верно отмечает С.В. Сулова, средневековые браслеты редко украшались вставками, тогда как татарские браслеты чаще всего инкрустировались [21, с.183]. В генезисе татарских плетеных браслетов прослеживаются болгарские истоки, хотя с середины XIII в. классических болгарских плетеных браслетов уже не изготавливали, а сама техника проволочного плетения была широко распространена не только в Волжской Булгарии, но и в Древней Руси. Это можно отнести и к дроватым браслетам, что отмечается автором [21, с.185].

Перстни и кольца широко использовались различными этнографическими группами волго-уральских татар. Это традиционное украшение, которое имеет древние истоки, как в тюркском, так и в финно-угорском мире. Оригинальны застежки, которые были нагрудными, поясные, для браслетов. Некоторые из них были выполнены из жемчуга, бисера или же в скано-зерновой технике.

В завершении очерка С.В. Сулова рассматривает традиционные группы украшений по этнотерриториальным комплексам, выделяя темниковский, сергачский, казанско-татарский (в двух вариантах: городской и сельский), заказанский (кряшенский), елабужский (кряшенский), молькевский (кряшенский) и зауральский комплексы [21, с.190–193]. Она подчеркивает, что данные комплексы являются отражением этнических процессов, этнокультурных взаимовлияний внутри этнической общности волго-уральских татар [21, с.194]. Ей отмечаются пути формирования комплекса городских и сельских украшений, обусловленные различными фак-

торами, как историко-культурными, так и социально-экономическими, прослеживаются черты своеобразия украшений каждого из этнокультурных комплексов. Стоит добавить, что помимо центрально-азиатских прототипов, которые описали в своих трудах Г.А. Федоров-Давыдов и М.Г. Крамаровский в золотоордынских древностях [21, с.197], в эту эпоху не менее сильными, а иногда и определяющими были иранские образцы ювелирных изделий и технологических традиций.

По той же методике учеными исследовались вопросы технологии и технологических традиций ювелирных украшений тюркских народов. Первое такое исследование, авторами которого являются Л.Н. Донина и С.В. Сулова, посвящено казанско-татарскому ювелирному делу в контексте технологических традиций художественного металла Евразии. Авторы отмечают, что татарские ювелиры применяли весь арсенал технических средств на разных стадиях производства ювелирных изделий. Основным материалом для татарских ювелиров было серебро, хотя бронза и медь также использовались ими, но в меньших масштабах. Известны литые и кованные заготовки, в художественном оформлении встречались золочение, чернение, гравировка. У татар работали мастера-филигранщики, владевшие сложными технологиями, в том числе и с использованием эмалей. Широко применялась бугорчатая скань и инкрустация поделочными и драгоценными камнями [21, с.200]. Отметим, что использование многих технологических приемов появилось относительно недавно, например, золочение, эмалевые вставки, широкое применение поделочных и драгоценных камней. В эпоху Волжской Булгарии и Золотой Орды на Средней Волге такие приемы за редким исключением не применялись.

Авторы описывают центры производства ювелирных изделий в XIX–XX вв. [21, с.201], в числе которых на первом месте была Казань. Известны очаги ювелирного производства в Заказанье и Закамье. Изделия выпускались как на заказ, так и на рынок, причем татарские ювелиры предпочитали работу на заказ [21, с.203]. В массовом порядке татарские ювелирные украшения изготавливали русские ювелиры из с.Рыбная Слобода. Продавали их в европейской и азиатской России.

Как отмечают авторы, ювелирные украшения изготавливали разными способами. Очень распространенным было литье, с его помощью делали детали или заготовки изделий, например, пластины для браслетов, блях, коранниц. Полностью отливались наконечники, перстни, подвески. Литье производилось разными способами, например, в опоках, по восковой модели и в твердых формах. Чеканка широко использовалась ювелирами в регионе с эпохи средневековья. Спрос на нее снижается в XVIII–XIX в. в связи с распространением других, более выразительных элементов декора. Из других технологических приемов специалисты отмечают тиснение (басму), чеканку по литью, гравировку, филигрань и др. Авторы рассматривают несколько типов сканой проволоки: гладкую, витую, спиральную

(канитель], штампованную. Наряду со сканью татарскими ювелирами использовалась зернь, правда в ограниченном количестве [21, с.217].

Наибольшей популярностью в XVIII–XIX вв. у татар пользовалась ажурная плоская и бугорчатая филигрань. Авторам удалось выявить региональные особенности изделий, выполненных в этих техниках. Интересно подробное описание конструктивных принципов сборки данных изделий и, что стоит особенно подчеркнуть, четкое описание характерных технологических признаков собственно татарской филигрании XVIII–XIX вв. [21, с.218–219, 221–222]. Касаясь истоков бугорчатой накладной филигрании, авторы отмечают, что ее распространение выходит за границы Поволжья и встречается с X–XI в. на ювелирных изделиях Восточной и Западной Европы [21, с.221]. Что касается татарской накладной филигрании, то ее генезис многогранен, причем встречающаяся в Поволжье на средневековых изделиях похожая техника вовсе не свидетельствует об ее абсолютно прямой эволюции от античных образцов, поскольку зерневой декор в виде треугольников, характерен не только для изделий гуннов или античных городов Причерноморья, но и для более ранних эпох и территорий, например, Древнего Египта и Этрурии. Впрочем, в данном случае исследователи не дают окончательный ответ на сложный и дискуссионный вопрос генезиса изучаемой ими технологической традиции, ссылаясь на необходимость дальнейших исследований.

Очень интересен вопрос об инкрустации татарских ювелирных изделий, хотя здесь специалисты не стали углубляться в особенности использования поделочных и драгоценных камней в средневековую эпоху Казанского Поволжья.

Завершающий в нашем обзоре сюжет Л.Р. Павлинской посвящен традиционной технике художественной обработки металла у бурят с акцентом на тюрко-монгольские этнокультурные параллели. Начинается он с обширного и достаточно подробного исторического сюжета о том, чем была обусловлена необходимость выделения различных факторов, повлиявших на формирование различных сфер культуры бурятского народа, в том числе и на ювелирное дело [21, с.229]. Автор отмечает особенности двух ареалов художественного металла бурят – Предбайкальского и Забайкальского, и не только ассортимента изделий, но и техники их декорирования, а также материала, из которого они изготавливались. Наибольшие отличия проявлялись в культовом металле, поскольку в этих областях в первом случае преобладали шаманистические верования, а во втором – буддизм [21, с.233].

Л.Р. Павлинская отмечает, что для изучения этнокультурных контактов наиболее важным источником являются технологические приемы изготовления украшений, поскольку они формировались в течение длительного периода и имели сформировавшиеся в разные исторические периоды территориально-этнические особенности. Это продемонстрировано автором на примере таких способов производства как литье и ковка. Отмеча-

ется, что местные традиции художественнойковки сочетались с многочисленными художественно-образными заимствованиями. Последние проявлялись не только в украшениях повседневного и парадного костюмов, но и в предметах культового назначения или тех изделий, которые были включены в символический контекст религиозных практик. При этом последние имеют аналогии или точнее – общие истоки в обрядовых изделиях не только тюркских, но и самодийских народов Сибири [21, с.237]. Последний факт позволяет автору делать вывод, что в истории предков бурят и северных тюрков – якутов и долган был длительный этап совместного развития, причем в этот период происходили контакты с древним тунгусским и южно-самодийским населением. Начало этого, как считает исследователь, относится к гуннскому периоду [21, с.238].

Очень важным представляется сюжет, связанный с серебрением. В отличие от черни серебрение в разных формах широко использовалось в ювелирном деле бурят. Эта оригинальная техника уходит своими корнями в античную эпоху и не позднее VII в. до н.э. встречается в разных уголках Ойкумены. Однако разнообразные биметаллические техники, особенно набивная насечка (таушировка) имеют более позднее происхождение и скорее всего относятся к началу – первой половине I тыс. н.э. Наиболее яркие образцы этой технологии можно видеть в археологических материалах Минусинской котловины – предметах аскизской археологической культуры [4]. Л.Р. Павлинская детально рассматривает данные технологии, поскольку они являются важным свидетельством общих путей развития культуры тюрко-монгольского мира. В этой связи стоит отметить, что эти техники в средневековую эпоху вышли за пределы обитания тюрков Сибири и распространились в Волго-Камье, проявившись во второй половине XI–XII вв. в материальной культуре волжских булгар, поволжских и прикамских финнов [1, с.160–172; 13]. Причины феномена исследованы И.Л. Кызласовым, который пришел к выводу о том, что это было связано с непосредственным переносом технологий вместе с носителями ремесленных традиций [7, с.228–250]. Доказано распространение у булгар оригинальных изделий древних хакасов и их реплик, выполненных в технике таушировки [13, с.172 – 181]. Интересно, что позднее такая технологическая традиция в Волго-Камье не получила продолжения и была утрачена.

Чеканка в бурятском ювелирном деле имела несколько иную природу и связана с ремесленными практиками культур Юго-Восточной Азии и особенно Китая [21, с.249]. Выколотка, по мнению Л.Р. Павлинской, имеет древнюю традицию, связанную с Байкальским регионом. Технология филигрании (скани) бурятскими ювелирами была заимствована, но вместе с тем отличается некоторыми особенностями, например, массивностью и более простыми композициями [21, с.251]. Интересны наблюдения об использовании вставок в бурятских ювелирных изделиях, особенно подделочных камней. Возможно, что здесь сказались ювелирные традиции тюркских народов Средней Азии, Казахстана и монголов.

Подводя итог можно констатировать, что в вышеперечисленных исследованиях впервые систематизирован, тщательно проанализирован и интерпретирован огромный материал, что позволило представить грандиозную картину развития ювелирного дела тюркских народов Евразии. Изучение этих данных позволит в дальнейшем провести кросскультурный анализ форм, технологий, определить их истоки и пути развития, наметить хронологию украшений как в общем, так и в деталях.

Подчеркну, что авторы предлагают не только абсолютные выводы и истины, но и приглашают к диалогу в решении сложных проблем этнокультурного взаимодействия в области ювелирного дела тюрков Евразии, давая толчок к изучению дискуссионных тем, особенно в сфере генезиса формообразования и технологий, что требует обращения к смежным дисциплинам, например, археологии, а также к мифологии и фольклору, к применению современных методов исследований состава металла, технологий, декора и т.п.

Данная тема, как и публикации по ней, будут интересны не только специалистам в области истории ювелирного дела и материальной культуры, археологам и этнологам, но широкому кругу интересующихся историей и культурой тюркских народов, особенно преподавателям специальных дисциплин в области декоративно-прикладного искусства, студентам, изучающим традиционную художественную культуру, современным мастерам-ювелирам. Это позволит более предметно развивать тему изучения и сохранения культурного наследия Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.-Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 198 с.
2. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. 330 с.
3. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 220 с.
4. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (Свод археологических источников (САИ) ЕЗ–18).
5. Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.-Самара: Офорт, 2005. 96 с.
6. Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
7. Кызласов И.Л. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII веках. (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 228–250.
8. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2001. 256 с.

9. Руденко К.А. Взаимодействие тюркских культур Евразии в первой половине II тыс. н.э. (аскизский пласт древностей) // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г. Тобольск) / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С.83–86.

10. Руденко К.А. От археологии к этнографии (к вопросу о реконструкции болгаро-татарского костюма XI– XVI вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований / отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко, А.В. Матвеев. Красноярск; Омск: «Издат. дом «Наука», 2006. С. 191–194.

11. Руденко К.А. Этнографический костюм и археологическое «костюмоведение»: к постановке проблемы (по материалам Волго-Камья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Часть 1 / гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 391–394.

12. Руденко К.А. Некоторые вопросы исторической реконструкции средневекового костюма Волжской Булгарии на основе археологических материалов и ее представление в музейной экспозиции // Пензенский археологический сборник. Международный сборник научных трудов / ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2010. Вып. 3. С. 315–340.

13. Руденко К.А. Аскизская проблема: Восток и Запад // Вопросы истории Сибири. Вып. 9. Сборник научных статей памяти В.А. Могильникова / отв. ред. Е.М. Данченко. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 172–181.

14. Руденко К.А. Музейные археологические экспозиции и выставки в Татарстане в начале XXI века // Проблемы археологии и музееведения. Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой (1955–2017) / гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. С. 97–109.

15. Руденко К.А. Плетеные гривны с подвесками-лунницами из Волжской Булгарии: дизайн, атрибуция // Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат: сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А.М. Белавина / ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: Изд-во Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2018. С. 205–219 (Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV).

16. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

17. Руденко С.И. Культура Хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: АН СССР, 1962. 205 с.

18. Сычев, Л.П., Сычев, В.Л. Китайский костюм: символика и история. М.: Наука, 1975. 160 с.

19. Сулова С.В., Павлинская Л.Р. Предисловие // Ювелирные украшения тюркских народов Евразии. Историко-этнографические очерки / отв. ред. С.В. Сулова. Казань: ИИ АН РТ, 2018. С. 5–11.

20. Тишкин А.А. Периодизация евразийской истории: существующие проблемы и возможные решения // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Материалы Седьмой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 27–28 июня 2014 г. / под ред. В.Я. Баркалова, А.В. Иванова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 25–43.

21. Ювелирные украшения тюркских народов Евразии. Историко-этнографические очерки / под ред. С.В. Суловой (отв. ред.), Г.Ф. Габдрахмановой, Л.Р. Павлинской. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 256 с. + 112 с. цв. вкл.

Руденко К.А. Сокровища тюркской культуры: новые исследования по ювелирному искусству тюркских народов (обсуждение итогов и перспектив)

Сведения об авторе: Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (420059, Оренбургский тракт, 3, Казань, Российская Федерация); murziha@mail.ru

**TREASURES OF THE TURKISH CULTURE:
NEW RESEARCH ON JEWELRY ART OF TURKIC PEOPLES
(DELIBERATION ON THE RESULTS AND PROSPECTS)**

K.A. Rudenko

*Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
murziha@mail.ru*

The article explores new approaches to studying the jewelry art of the Turkic peoples of Eurasia. First of all, it presents the analysis of the facts mentioned in the collective monograph on Eurasian Turkic peoples' jewelry, which was written by the most prominent experts in this field from research institutions of Russia. This fundamental work presents analytical studies of Turkic-speaking peoples' jewelry: Tatars of the Volga and Ural regions, Yakuts, Buryats and others. The authors systematized a vast amount of materials, distributed it into groups and categories, and highlighted the kinds and types of products. The definitions of produced items functionality and their formal features served as the ground for classification. The articles provide reasoned information about the origin of certain types of jewelry, the time of their occurrence and existence. Appeal to the mythology of the peoples who made such products is of particular interest. This made it possible to understand and present the special role of jewelry in the world view and its significance in the mythological ideas of the Universe and the world. Technological methods of jewelry making of the Turkic peoples of Eurasia are examined, the specifics of the production and artistic methods of applying the decor are identified. Obviously, the processes of artistic crafts formation, as well as fabrication of produced items, have a long history associated with the processes of ethnocultural interaction.

Keywords: jewelry, niello, filigree, Turkic peoples, Kazan Tatars, Buryats, Yakuts, ethnography, technology.

For citation: Rudenko K.A. Treasures of the Turkish culture: new research on jewelry art of Turkic peoples (deliberation on the results and prospects). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 26–45. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.26-45

REFERENCES

1. Belorybkin G.N. *Zolotarevskoe poselenie* [The Zolotarevo settlement]. St. Petersburg-Penza, PGPU Publ., 2001. 198 p. (In Russian)
2. *Jelita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii* [Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Dashkovskij P.K. (edit.) Barnaul, Altai State University Publ., 2015. 330 p. (In Russian)

3. Krylasova N.B. *Istorija prikamskogo kostjuma: kostjum srednevekovogo naselenija Permskogo Predural'ja* [The history of the costume of the Perm Area: The costume of the medieval population of the Perm-Urals Area.]. Perm, PGPU Publ., 2001. 220 p. (In Russian)

4. Kyzlasov I.L. *Askizskaja kul'tura Juzhnoj Sibiri. X–XIV vv.* [Askiz culture of southern Siberia. The 10th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 128 p. (Set of archaeological sources (SAI) E3–18). (In Russian)

5. Kyzlasov I.L. *Pratjurkskie zhilishha. Obsledovanie sajano-altajskih drevnostej* [Pratyurk dwellings. Inspection of Sayan-Altai antiquities]. Moscow-Samara, Ofort Publ., 2005. 96 p. (In Russian)

6. Kyzlasov I.L. *Altaistika i arheologija* [Altaistics and archeology]. Moscow, Institute of Turkic Studies Publ., 2011. 256 p. (In Russian)

7. Kyzlasov I. L. *Novoe v zhizni Vostochnoj Evropy v XI–XII vekah. (Vlijanie Velikogo Sibirskogo puti, otkrytoj arheologiej)* [The new in life of Eastern Europe in the 11th–12th centuries. (Influence of the Great Siberian Path discovered by archeology)]. *Zemli rodnoj minuvshaja sud'ba... K jubileju A.E. Leont'eva* [Earth's native past fate ... Dated to A.E. Leontiev's anniversary]. Moscow, the Russian Academy of Sciences Institute of Archeology Publ., 2018, pp. 228–250. (In Russian)

8. Rudenko K.A. *Tjurkskij mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv. Izdelija askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i katalog* [The Turkic world and the Volga-Kama area in the 11th–14th centuries. Products of the askiz circle in the Middle Volga area. Research and directory]. Kazan, Zaman Publ., 2001. 256 p. (In Russian)

9. Rudenko K.A. *Vzaimodejstvie tjurkskih kul'tur Evrazii v pervoj polovine II tys. n.je. (askizskij plast drevnostej)* [Interaction of the Turkic cultures of Eurasia in the first half of the 2nd millennium A.D. (The Askiz layer of antiquities)]. *Tjurkskie narody. Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri» (9–11 dekabrja 2002 g. Tobol'sk)* [The Turkic peoples. Materials of the 5th Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia” (December 9–11, 2002 Tobolsk)]. (edit. A.V. Neskorov). Tobol'sk-Omsk, OmGPU Publ., 2002, pp. 83–86. (In Russian)

10. Rudenko K.A. *Ot arheologii k jetnografii (k voprosu o rekonstrukcii bulgarotatarskogo kostjuma XI–XVI vv.)* [From archeology to ethnography (On the question of reconstruction of the Bulgar-Tatar costume of the 11th–16th centuries)]. *Integracija arheologicheskikh i jetnograficheskikh issledovanij* [Integration of archaeological and ethnographic studies]. (edit.: M.L. Berezhnova, M.A. Korusenko, A.V. Matveev). Krasnoyarsk-Omsk, Nauka Publ., 2006, pp. 191–194. (In Russian)

11. Rudenko K.A. *Etnograficheskij kostjum i arheologicheskoe «kostjumovedenie»: k postanovke problemy (po materialam Volgo-Kam'ja)* [Ethnographic costume and archaeological “costume studies”: On formulation of the problem (based on the materials of the Volga-Kama)]. *Integracija arheologicheskikh i jetnograficheskikh issledovanij. Chast' I* [Integration of archaeological and ethnographic studies. Part 1]. (edit.: N.A. Tomilov, M.L. Berezhnova, S.N. Korusenko, R.S. Hakimov). Kazan, Institute of History. Sh. Marjani AS RT Publ., 2010, pp. 391–394. (In Russian)

12. Rudenko K.A. *Nekotorye voprosy istoricheskoy rekonstrukcii srednevekovogo kostjuma Volzhskoj Bulgarii na osnove arheologicheskikh materialov i ee predstavlenie v muzejnoj jekspozicii* [Some issues of the historical reconstruction of the Volga Bulgaria medieval costume based on archaeological materials and its presentation at a museum exhibition]. *Penzenskij arheologicheskij sbornik. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov* [Penza archaeology collection. International collection of sci-

Руденко К.А. Сокровища тюркской культуры: новые исследования по ювелирному искусству тюркских народов (обсуждение итогов и перспектив)

entific papers]. (edit. G.N. Belorybkin). Penza, PIRO Publ., 2010, vol. 3, pp. 315–340. (In Russian)

13. Rudenko K.A. Askizskaja problema: Vostok i Zapad [The Askiz problem: East and West]. *Voprosy istorii Sibiri. Vyp. 9. Sbornik nauchnyh statej pamjati V.A. Mogil'nikova* [Questions of the history of Siberia. Issue 9. Collection of scientific papers in the memory of V.A. Mogilnikov]. (edit. E.M. Danchenko). Omsk, OmGPU Publ., 2014, pp. 172–181. (In Russian)

14. Rudenko K.A. Muzejnye arheologicheskie jekspozicii i vystavki v Tatarstane v nachale XXI veka [Museum archaeological expositions and exhibitions in Tatarstan in early 21st century]. *Problemy arheologii i muzevedenija. Sbornik statej, posvjashhennyj pamjati N.V. Habarovoj (1955–2017)* [Problems of archeology and museum studies. Collection of papers dedicated to the memory of N.V. Khabarova (1955–2017)]. (edit. A.S. Skripkin). Volgograd: VolGU Publ., 2018, pp. 97–109. (In Russian)

15. Rudenko K.A. Pletenye grivny s podveskami-lunnitsami iz Volzhskoj Bulgarii: dizajn, atribucija [Plaited neck-rings with lunar pendants from Volga Bulgaria: Design, attribution]. *Srednevekovaja arheologija Evrazii: ot Jamala do Karpat: sb. nauch. tr. k 60-letnemu jubileju A.M. Belavina* [Medieval archeology of Eurasia: from Yamal to the Carpathians: Collection of scientific Works dated to A.M. Belavin's 60th anniversary]. (edit. N.B. Krylasova). Perm: PGPU Publ., 2018, pp. 205–219 (Trudy Kamskoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii [Proceedings of the Kama Archeological-Ethnographic Expedition]. Vol. XIV. (In Russian)

16. Rudenko S.I. *Kul'tura naselenija Gornogo Altaja v skifskoe vremja* [The culture of the Altai mountains population in the Scythian times]. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ., 1953. 402 p. (In Russian)

17. Rudenko S.I. *Kul'tura Hunnov i Noynulinskie kurgany* [The Hun culture and Noynuli mounds]. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ., 1962. 205 p. (In Russian)

18. Sychev, L.P., Sychev, V.L. *Kitajskij kostjum: simbolika i istorija* [The Chinese costume: Symbolism and history]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 160 p. (In Russian)

19. Suslova S.V., Pavlinskaja L.R. Predislovie [Preface]. *Juvelirnye ukrashenija tjurkskih narodov Evrazii. Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [Jewelry of the Turkic peoples of Eurasia. Historical and ethnographic essays]. (edit. S.V. Suslova). Kazan, Institute of History of AS RT Publ., 2018, pp. 5–11. (In Russian)

20. Tishkin A.A. Periodizacija evrazijskoj istorii: sushhestvujushhie problemy i vozmozhnye reshenija [Periodization of the Eurasian history: Existing problems and possible solutions]. *Evrazijskoe: teoreticheskij potencial i prakticheskie prilozhenija. Materialy Sed'moj Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii. Barnaul, 27–28 ijunja 2014 g.* [Eurasianism: theoretical potential and practical applications. Materials of the 7th All-Russian scientific and practical conference (with international participation). Barnaul, June 27–28]. (edit. V.Ja. Barkalova, A.V. Ivanova). Barnaul, Alt. University Publ. House, 2014, pp. 25–43. (In Russian)

21. *Juvelirnye ukrashenija tjurkskih narodov Evrazii. Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [Jewelry of the Turkic peoples of Eurasia. Historical and ethnographic essays] (edit. S.V. Suslova). Kazan, Institute of History of AS RT Publ., 2018. 256 p. + 112 p. color insert (In Russian)

About the author: Konstantin A. Rudenko is a Doctor of Science (History), Professor at the Kazan State Institute of Culture (3, Orenburg tract, Kazan 420059, Russian Federation); murziha@mail.ru